

Логинов К.К.

Народные целители и колдуны у онежан и калганов: традиции и современность

Онежане – это группа поморского населения, проживавшего вокруг г. Онега Архангельской области. Название “калганы” первоначально относилось только к группе русского населения, проживавшего в Калгачихинской волости Онежского уезда. Позднее под “калганами” поморы стали подразумевать еще и население Носовского сельского совета, проживавшее в деревнях по среднему течению реки Илексы до д. Лузы включительно. Ныне на этой территории расположена Архангельская часть национального парка “Водлозерский”. В 1954–1959 гг. население Носовского сельского совета было по большей части переселено властями в пос. Урагуба на Кольский полуостров, а население Калгачихинской волости расселено в ближайших поморских селениях. Какая-то часть калганов осела в Онеге и ее окрестностях. Большая часть материалов по народной магии и целительству групп онежан и калганов, представленная в данной публикации, была собрана летом 2002 г. в Онеге и ее пригородах экспедицией в составе Дж. Фудживара (Япония) и К.К. Логинова (Россия). Материалы данной экспедиции хранятся в архиве национального парка Водлозерский (НПВ)1 и в Научном архиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (НАКНЦ)2. Наравне с ними использованы хранящиеся в названных архивах материалы, которые были собраны автором в ходе более ранних экспедиционных обследований данных групп.

Народная магия и целительство у онежан и калганов на протяжении XX в. прошли тот же путь развития, что и у прочих соседних групп русских: от традиционных магических специалистов (колдунов, знахарей, целителей-травников и повивальных бабок) до экстрасенсов. Традиционными колдунами (их называли “знатками”, реже – волхвами или волшебниками) были преимущественно мужчины, а знахарками – женщины. Тех знахарок, которые активно совмещали целительскую практику и “черную” магию, у онежан и калганов именовали одинаково – “колдовками”. Основными функциями колдунов были: магическая охрана от порчи участников свадеб либо наведение порчи на тех, кто их не пригласил на свадьбу или чем-либо им не угодил, оказание магических услуг охотникам и рыбакам, поиск украденных вещей и пропавшей в лесу скотины и т.п. Лечение людей колдуны занимались весьма ограниченно, если не считать лечения разных видов порчи и сглаза, причиненных другими колдунами. Знахарки тоже занимались “исправлением” вреда, наносимого колдунами и “колдовками”, но основной их заботой все же было лечение людей от физических недугов, ожогов, ушибов, травм и т.п. Главным образом на целительстве сосредотачивали свои усилия травницы и редкие среди мужчин травники.

В д. Луза в 1930-е – начале 1950-х гг. самыми сильными колдунами считались Иван Иванович и Арсентий Иванович Медведевы, а также Манец Петр Васильевич3. В памяти односельчан И.И. Медведев остался как “белый колдун”, делавший колдовство “только на доброе”, А.И. Медведев воспринимался относительно нейтрально по шкале “добра” и “зла”, П.В. Манец считался “черным колдуном”. О последнем говорили, что ему все равно было, что именно “портить”: человека, охотничье ружье или собаку, лишь бы за это заплатили. Манец прославился на всю округу троеженством: подобно саамскому шаману, он проживал одновременно с тремя женами в одном доме. Не желая покидать малую родину и могилы предков при выселении людей в Урагубу, он ушел из жизни, воспользовавшись очень редким среди колдунов способом. Он самолично срубил сосну на острове против деревни, к которой был обязан как колдун регулярно приходить, чтобы иметь власть над ратью подчиненных ему, как считалось, чертей. Согласно традиционным представлениям, после таких действий колдуны умирали – и он, действительно умер в дороге, не доехав до Урагубы.

Обряд передачи колдовских знаний восприемнику, по нашим данным, был одинаков для русских Заонежья, Пудожья и населения Поилексья. По окончании обучения обряд производился в полночь в бане4. Известно, что И.И. Медведев передал свое магическое искусство своему ученику, некоему Петруше из д. Пелгостров на Водлозере, с которым ему по торговым делам часто приходилось бывать на Кенозере в Каргополье.

Передача знаний обеспечивала колдуну легкую смерть без мучений. Считалось, что при отсутствии ученика-восприемника, чтобы не мучаться перед смертью, колдун мог в крайнем случае наговорить все свои заговоры и тайные колдовские знания на старый веник, который потом зарывал в землю в потайном месте, очень часто под корнями своего личного колдовского дерева5. Веник-голик в таком случае выступал в качестве магической замены головы самого колдуна. О том, умер ли А.И. Медведев спокойно, успев передать свои “знания” и колдовскую “силу” восприемнику, или же смерть его была мучительной, нам не известно.

Знахаркой (и выдающейся сказочницей) в д. Лузе была женщина по имени Ирина, по прозвищу Названишна. Девичью фамилию ее и отчество уже никто не смог вспомнить. Сосватана она туда была, по одним данным из Калгачихиб, по другим – из Нюхчезера7. Последнее представляется более вероятным, поскольку Коркала намного ближе к Калгачихе и Нюхчезеру, чем Луза. К тому же информанты из д. Носовщины помнят, что в их деревне Названишной прозывали более молодую знахарку Рехову Парасковью Дмитриевну (взятую замуж из Лузы), бывшую к тому же отличной сказочницей, “как и ее мать”8. В памяти жителей среднего Поилексья П.Д. Рехова осталась одной из самых добрых знахарок. Самым сильным колдуном Носовщины и всех деревень, расположенных у Юрьева озера, в середине XX в. считался Мозгалев Андрей Федорович9. Рассказывают, что иногда он мог, сильно рассердившись, наслать на человека порчу, но обычно занимался лечением порчи, причиненной другими колдунами и рядовыми “порчельниками”. По воспоминаниям односельчан П.Д. Рехова, А.Ф. Мозгалев и его сноха (специалистка по “налаживанию” детей) умерли

спокойно, видимо, передав свои магические знания потомкам. Довольно сильным "белым колдуном" в д. Коркала слыл Мозгалев Андрей Иванович, но его супруга считалась не совсем праведной знахаркой¹⁰. Свой колдовской "дар" А.И. Мозгалев "передал" своей снохе и "умер, как уснул". Супруга же его, хоть и успела передать дочери (Калининой Александре Ивановне) "слова на детей", умерла нелегко, пролежав 6 дней в коме. Наследникам колдовских знаний А.И. Мозгалева не пришлось испытывать судьбу занятиями колдовством особо долго, поскольку "колдовская книга" его была утрачена во время пожара, а без нее, по памяти, заниматься магической практикой в полном объеме они уже не смогли. Тем не менее, следует отметить, что даже правнучка колдуна смогла, когда в этом возникла необходимость, воспользоваться знанием обряда и подобающих "слов" на проводах в армию праправнука колдуна. В той же д. Носовщина умели колдовать Илья Федорович Мозгалев и Васильева Ксения Евлампиевна (последняя – "только на скот"¹¹). Каких-либо подробных сведений о их магической практике нам записать не удалось.

В Калгачихе самым сильным колдуном 1930–1950-х гг. считался некий "дед Трофим"¹². Разузнать его полное имя нам пока не удалось, т.к. собранные материалы по Калгачихинской волости остаются фрагментарными. Как и большинство сельских колдунов, "дед Трофим" был заносчив, постоянно упражнялся в ограждении от порчи на свадьбах женихов и невест, а также других "свадебников" либо насылал порчу, если оставался без приглашения на свадьбу. Поскольку воспреемника себе он не нашел, смерть его была длительной, наполненной ужасными мучениями. Односельчане утверждают, что в момент его смерти с потолка его избы "доски вылетали сами собой".

Ограниченность в средствах и сроках проведения исследований не позволила нам объехать окрестности Онеги или встретиться с достаточным количеством городских старожилов, поэтому наши сведения о традиционных магических специалистах собственно Онеги оказались довольно скудны. Мы убеждены, однако, что, несмотря на успехи городского просвещения и на укоренившиеся старообрядческие традиции поморов, в столь многолюдном и богатом городе, как Онега, просто не могло не быть значительного числа народных целителей, прорицателей, людей, зарабатывавших на жизнь "приворотами" и тому подобных магических специалистов традиционного плана.

В нашем распоряжении имеются сведения, что добрым колдуном здесь слыл Василий Васильевич Буйнов, сильной и доброй знахаркой – Осова Анастасия Ивановна, а "колдовкой" – Химкова Пелагея Яковлевна¹³. Буйнов В.В. и Химкова П.Я. были свойственниками. Нам рассказали, что Химкова перед смертью Буйнова очень настойчиво пыталась заполучить от него его колдовской "дар". Однако Буйнов решил промучаться до конца сам, не передавая никому власть над нечистой силой, чтобы не подвергнуть возможного воспреемника тяжким предсмертным мукам. Шесть дней умирающий отговаривался тем, что ничего никому он передать не в состоянии, поскольку зубов во рту у него уже нет. Старик здесь явно лукавил. Отсутствие зубов во рту магического специалиста, по поверьям, мешало ему правильно выговаривать заклинания, отчего, якобы, сила заклятий сильно преуменьшалась. Передать же "дар" он вполне мог. Для этого ему нужно было лишь протянуть сжатую в кулак руку в сторону Химковой и выкрикнуть: "Возьми"! Далее уже дело было за женщиной, схватить или не схватить протянутую руку своей рукой. "Справляться" же с духами, рангом ниже чертей (вроде домовых или водяников), она, похоже, давно уже умела.

Из-за преследований со стороны Советской власти, в том числе и уголовного, уважаемое и доходное когда-то занятие "черной" магией во второй половине XX в. утратило былую привлекательность. Поиск воспреемников среди молодежи и проведение их через обряд посвящения превратился для практикующих колдунов в весьма нелегкую задачу. Несмотря на приток в город деревенского населения, больше подверженного суевериям, включая носителей магических знаний, колдовство быстро выродилось, а колдуны практически исчезли. Давление Советской власти на народных целителей оказалось менее сильным, чем стремление искоренить колдовство. Возможная причина состоит в том, что целительская традиция сохранялась преимущественно в женской среде и касалась во многом заговаривания и лечения маленьких детей, а не взрослых. Частично магические знания были переданы через тетрадные записи заговоров родственницам по женской линии. Однако в новой среде старинная магическая практика начала постепенно иссыхать. В наши дни тетради с записями старинных заговоров очень часто пылятся у наследников среди старых писем, справок, разного рода официальных и семейных документов, а в полном объеме по былому назначению уже не используются. Чужим их стараются не показывать, но, если их удастся обнаружить, против фиксации содержания этих тетрадей в научных целях на аудио- и видеоаппаратуру нынешние их владельцы, как правило, теперь не возражают. Так нам удалось заснять несколько подобных тетрадей на цифровую фотоаппаратуру. Есть основания полагать, что определенная часть старинных магических знаний (прежде всего, из сферы любовной магии, а также связанная с мезью врагам колдовскими способами) еще довольно широко практикуется жителями Онеги и ее окрестностей – нашими современниками.

Трансформация старинных магических традиций, а главное – возникновение новых форм целительства – оказались возможны только в перестроечные времена, что было вызвано ослаблением печатной цензуры. Перепечатки старинных заговоров и статьи о народных целителях стали публиковаться в газетах, журналах, передачи на эту тему начали транслировать на государственном телевидении. Ажиотаж вокруг телепередач с участием Анатолия Кашпировского, Алана Чумака коснулся и жителей Онеги и ее окрестностей. Умение лечить людей от болезней, в том числе и способами нетрадиционной медицины, вошло в моду, но багаж прежних знаний и прежних традиций был уже почти безвозвратно утерян.

Ориентированные на народную традицию методы среди современных целителей г. Онеги, широко практикующих сегодня, сохранили Нина Николаевна Кузнецова и Ольга Яковлевна Волкова, а также травницы Вера Михайловна Чирцова и некая Севастьянова. Подробными данными о двух последних мы не располагаем. Кузнецова Н.Н. (в девичестве Фламер) – уроженка г. Тотмы Вологодской области, но, как

обнаружилось, она врачует людей посредством магических и иных знаний, доставшихся ей от представителей группы калганов¹⁴, а также от упомянутой выше онежанки Н.И. Осовой. Из городских традиционных целителей одна лишь О.Я. Волкова (до замужества Легашевская, уроженка Тамбовской области) держит в памяти все используемые заговоры и рецепты целебных снадобий и мазей, не передоверяя их бумаге. Через обряд посвящения она не проходила, научившись приемам целительства, лечебного массажа и прорицательства постепенно от разных людей во время скитаний по просторам родной страны¹⁵. Как и у многих, профессионально занимающихся народным целительством, ее судьба сложилась несчастливо. Специалистом традиционного плана, возможно, следует считать наиболее уважаемую в окрестностях Онеги колдунью из поморов, которая проживает в семидесяти километрах от Онеги, в Верхнеозерске. Судя по рассказам, она прошла через трехступенчатый обряд посвящения в знахари. Она не только врачует соматические и психические болезни людей, но и, как говорят люди, способна оказывать воздействие на благосостояние и карьеру своих подопечных¹⁶. По этой причине к ней, якобы, обращались за помощью политики и управленцы местного, областного и даже федерального уровня. С аналогичными явлениями автору приходилось сталкиваться и в окрестностях столицы Карелии.

Среди пользующихся в Онеге известностью и востребованных специалистов, практикующих лечебную магию многие не придерживаются ориентации на локальную традицию целительства. В городе знают и ценят целительниц Галину Ивановну Калугину и Кокшарову Людмилу Михайловну, врача-психотерапевта Никитаеву Татьяну Николаевну. Среди них Л.М. Кокшарова выделяется приверженностью к православной этике. Природа ее сверхъестественных способностей к исцелению совершенно иная, нежели "биоэнергетика", используемая подавляющим большинством современных "экстрасенсов". Некрещеным пациентам она непременно советует принять крещение, болящих христиан "отчитывает" каноническими православными молитвами или же псалмами из Евангелия, а мусульманам предлагает читать соответствующие суры из Корана¹⁷. Интересно, что мусульманские молитвы она, в отличие от православных, не "начитывает" на воду, поскольку считает таких пациентов духовными детьми засушливой пустыни. Эта целительница стремится поступать, как монах-эксорцист, избавляющий страждущих от одержимости злыми духами. Л.М. Кокшарова "открыла" свои способности к врачеванию во время многочисленных посещений святых мест и монастырей, при беседах с такими же, как она, набожными паломниками. Источником своих целительских способностей она, в отличие от экстрасенсов, считает отнюдь не передающиеся через ее непосредственное участие "энергетические потоки" или некие "исцеляющие мантры", а "силу Божию". Тем не менее, если оценивать ее практику с точки зрения православного духовенства, то подобное целительство греховно, и на такую деятельность нет и не может быть официального благословения Православной церкви.

Специализация некоторых из занимающихся магией жителей Онеги и ее окрестностей более узка. Среди них следует отметить Сергея Никифоровича Прохорова из д. Легашевская, к которому обращаются граждане и даже милиция Онеги, если хотят узнать, жив ли человек; и если жив, то где находится. Он выясняет это при помощи простейшего маятника (из гайки и нитки), подробной географической карты и школьной линейки. Другими словами, он использует один из вариантов народного "лозоходства" (к этой практике прибегает также упоминавшаяся выше О.Я. Волкова). Колдовством и целительством С.Н. Прохоров не занимается. Но что характерно, будучи "калганского" происхождения, он является также потомком ряда известных "колдунов" и "колдовок". В этом можно усмотреть проявление закономерности наследования сверхъестественных способностей от родственников предшествующих поколений вне обучения или магического обряда передачи колдовских умений. К целительству и занятиям магией, как правило, обращаются люди, в роду которых в прошлом имелись народные целители и специалисты, наделенные магическими способностями. Методику поиска пропавших людей Прохоров освоил, не имея учителя или наставника, изучая ее по газете "Дачная". Примечательно, что обретение этого дара произошло во время тяжелой болезни Прохорова, едва не закончившейся летальным исходом¹⁸. Как известно по исследованиям закладного фольклора и шаманизма в традиционной духовной культуре коренных народов Севера и Сибири, обретение шаманского дара происходит в кризисной ситуации, очень часто – в момент опасной болезни. Как отметила участвовавшая в нашей экспедиции по окрестностям Онеги Дж. Фудживара, в тех местностях северной и южной Японии, где до сих пор бытует шаманизм, шаманами становятся люди, выжившие после тяжелой болезни. Профессиональные же прорицатели, которых в современной Японии встречается немало, осуществляют свою деятельность на наследственной основе.

Согласно связанным с буддизмом представлениям японцев, в шаманов вселяются души умерших, помогающие им в их целительской практике. Перестав лечить людей, шаман утрачивает сверхъестественное покровительство и умирает.

Примечательна в этом отношении позиция православной церкви, изложенная в популярной церковно-просветительской литературе, адресованной верующим христианам. С точки зрения православия считается, что при просмотре телепередач экстрасенсов или обращении за помощью к народным целителям, не говоря уже о самостоятельном занятии магическими практиками, душою человека овладевают падшие ангелы, т.е. бесы¹⁹. Ведь сегодняшние экстрасенсы и маги-окультисты, насколько мы можем об этом судить, расценивают свои сверхъестественные способности и супранормальные практики как особого рода приобщение к "разумным сущностям параллельного сверхтонкого мира".

При рассмотрении вопроса о наследственной преемственности и побудительных мотивах к занятию магической практикой и целительством показателен пример женской династии колдуний и целительниц, происходящей из д. Сырья в низовьях реки Онеги. Сведения о настоящей данной династии получены нами от упоминавшейся выше Галины Ивановны Калугиной²⁰, а о прошлом – от ее матери Калининой Дины Федоровны, в прошлом успешной знахарки, практиковавшей среди жителей г. Онега вплоть до 1980-х гг.²¹ Свою практику Дина Федоровна оставила еще до старости из-за немощи в руках, не позволявшей ей больше

полноценно делать массаж с использованием целебных мазей, на чем во многом держалось ее искусство врачевания. Согласно семейным преданиям, предки Д.Ф. Калининой проживали в д. Сырья. Среди предков по мужской линии имелись коновалы и костоправы (откуда идет в семье умение делать целебные массажи), магические же знания сохранялись среди женщин. "Квалификация" матери Д.Ф. Калининой ограничивалась умениями повивальной бабки (принять ребенка, остановить послеродовое кровотечение у роженицы, заговорить послеродовые болезни). Знахаркой была ее бабушка, передавшая все свои знания тетке информанта, впоследствии знаменитой в городе Онеге "колдовки". В 8 лет маленькая Дина и ее брат подожгли порох в избе, на пожаре брат погиб, а девочка обгорела так, что глаза ее не открывались. Девочку начали лечить народными средствами, в том числе обращая молитвы к местному святому, Угоднику Кириллу, основателю Сырского монастыря. Тогда ей впервые было видение святого Кирилла-угодника. Он, якобы, "показался" ей в виде старца, облаченного в серые одежды, проезжавшего по реке в лодке. В 16 лет девушка едва не утонула в речном водовороте. В минуту смертельной опасности она вспомнила свое видение и стала молить Кирилла-угодника о спасении. Появившийся на берегу юноша спас Дину, протянув ей шест. Девушка влюбилась в своего спасителя, но после его ухода в армию ее решили выдать замуж за другого, и, измученная переживаниями, она семь дней пролежала без памяти. Единственное, что ей запомнилось, это сон, в котором она себя увидела львом, поочередно запрыгивающим на маковки трех церковных колоколен. На первые две церкви ей удалось запрыгнуть, а третья была слишком высока, к тому же около церкви ей привиделся "Иисус Христос и Кирилл-угодник, которые пили чай из деревянных кружек". Девушка решила, что это знак свыше, повелевающий ей заняться целительством, хотя великой целительницей стать ей не суждено ("на третью колокольню не запрыгнула"). Она переняла "знания" от своей матери, но приобщиться к тому, что знали ее бабка и тетка, ей не позволили. Во время пребывания в Алтайском крае Дина выучилась у тамошней целительницы распознавать некоторые целебные растения, затем всю жизнь использовала доступные ей книги по целебным травам. Хотя отдельные заговоры ей удавалось иногда узнавать от старых людей, уровня полноценной знахарки (своей тетки) она не так и достигла, в полном согласии с пророческим видением своей юности. Оставляя практику народного целительства, все свои знания и записи с заговорами она передала старшей дочери, которая, овдовев, вышла замуж вторично, за иностранца и эмигрировала в Бельгию. Однако ее отъезд не прервал семейной преемственности. Распался брак Галины, младшей дочери Дины Федоровны, проживавшей в Ленинграде. Тяжелые переживания по этому поводу пришлось на пик массового увлечения гипнозом Кашпировского, телесеансы с участием которого женщина просматривала совместно с дочерью. Галине тоже было видение (в окне комнаты на девятом этаже) то ли духа, то ли "НЛОнафта" с бледным лицом и провалами вместо глаз, после которого она ощутила в себе присутствие некоего "учителя" и зачатки "экстрасенсорных" способностей. Ей было не с кем оставить ребенка и поэтому занятия по экстрасенсорике и эзотерике она стала посещать со своей дочерью. В результате и у дочери проявились необычные способности, начались "посещения" наяву неким духом (они его называли "нянкой"), который в случае необходимости успокаивал ребенка, рассказывал сказки, пел ей песни, исполнял какую-то неземную музыку. После того, как невидимый окружающим "учитель" показал Галине знак в виде огненной полосы в небе, молодая женщина вернулась в родной город и успешно занялась экстрасенсорикой. Используемые целительницей приемы (вплоть до обращений к статуэтке Будды) далеки от северно-русской колдовской и целительской традиции, как и "переживаемый" ею супранормальный опыт вроде способности различать глаза в виде полупрозрачного платка, рассказывающего над головой пациента. Однако сам факт обращения женщин из одного рода к лечебной (и прочей) магии заслуживает безусловного внимания.

Итак, в городе Онега и его окрестностях в наши дни представлены все виды народного целительства от традиционного знахарского до экстрасенсорного. В семейных и межличностных отношениях практикуется – причем широким кругом людей – также не относящееся к врачеванию применение традиционных магических знаний и умений из сферы любовной магии. Местной особенностью современной практики народного целительства населения в районе Онеги является широкое использование массажа. Среди врачей-целителей высок удельный вес травников, которые не чуждаются, впрочем, и заговорам. Знахарки, проживающие в окрестностях Онеги, в свою очередь, знают немало о травах и их целебных свойствах, хотя преимущественно опираются на силу слова. Не исключено, что высокая концентрация специализирующихся на траволечении в Онеге – результат случайности. В Пудожье на небольшое поселение – деревню Гакугса – тоже приходится сразу три целителя-травника, хотя в других населенных пунктах травников отыскать крайне сложно.

Существенно, что среди населения Онеги и ее округи народное целительство, а в какой-то мере элементы старинной колдовской, "черной" и "белой" магии остаются социально востребованными и в настоящее время. Местная практика эволюционирует в общем русле северно-русской традиции, не считая незначительных локальных особенностей.

Примечания

1 Аудио- и фотоматериалы совместной российско-японской экспедиции по Карелии и Онежскому району Архангельской области – № 9/17–1,2,3.

2 Полевой дневник Логинова К.К. полевого сезона 2002 года (с продолжением 2003 года) // НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 627.

3 Отчет К.К. Логинова о собранных в Водлозерье этнографических полевых материалах. Экспедиционный сезон 1998 г. // НПВ. № 2/82. Л. 13, 16, 22, 29, 31; Отчет об экспедиционных поездках К.К. Логинова в Водлозерье в полевом сезоне 2000 года // НПВ, № 2/73, Л.11, 30; Материалы, собранные на Водлозере в ноябре 2001 г. студенткой 3 курса филологического факультета КГПУ Е.А. Цветковой (расшифровки магнитных записей) // НПВ. № 1/85. Л. 11, 30.

4 Логинов К.К. Колдуны Заонежья: истинные и мнимые // Мастер и художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. "Рябининские чтения-99"). Петрозаводск, 2000. С. 182.

5 Этнографический отчет Логинова К.К. о работе на Водлозере в полевом сезоне 1999 года // НПВ. № 2/59. Л. 6.

6 Отчет К.К. Логинова о работе на Водлозере в полевом сезоне – 1998 г. // НПВ, № 2/82, Л. 13.

7 НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 627. Л. 11.

8 Там же.

9 Там же. Л. 11–12.

10 Там же. Л. 8–9.

11 Там же. Л. 20.

12 Там же. Л. 11.

13 Там же. Л. 17–18.

14 Там же. Л. 18–19.

15 Там же. Л. 15–16.

16 Там же. Л. 20.

17 Там же. Л. 19.

18 Там же. Л. 1.

19 От чего нас хотят "спасти" НЛО, экстрасенсы, оккультисты, маги. М., 2001.

20 НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 627. Л. 7–8.

21 Там же. Л. 5–7.